

Несколько страниц из воспоминаний первого секретаря

Уходящий 2012 год в истории Новосибирска отмечен сразу несколькими юбилеями: 75-летия Новосибирской области, 55-летия СО РАН. На общем праздничном фоне не очень заметно прошла дата 90-летия нашего собеседника. Но Новосибирску и области крупно повезло, что на протяжении более четверти века горком, а потом и обком партии возглавлял человек, который отлично понимал проблемы науки и её роль в обществе, всегда старался поддерживать учёных и использовать научные достижения в интересах промышленности, сельского хозяйства, образования и науки. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей несколько страниц из воспоминаний Александра Павловича ФИЛАТОВА.

Счастливым поворот судьбы

В 1960 году я уже шесть лет работал первым секретарём Железнодорожного райкома партии. И, надо сказать, то был период полного согласия с собой, удовлетворения работой. Но однажды накануне пленума обкома меня пригласил Ф. С. Горячев и предложил на выбор сразу три отдела обкома: отдел административных органов, отдел науки и школ и торговый. А я строитель (закончил НИВИТ) и всё время боялся потерять свою квалификацию, поэтому думал, что если уж и идти в обком, то на строительный отдел. Им тогда руководил Павел Александрович Панфилов, который вместе со мной учился в институте, на курс раньше закончил. Прекрасный человек, крупный инженер, впоследствии стал заместителем всесоюзного министра строительства, и я понимал, что не имею права претендовать на такой отдел, когда человек уже успешно работает. Поэтому от всех трёх предложений я отказался. Горячев говорит: «Ну и иди, работай до пенсии первым секретарём Железнодорожного райкома». Так и расстались. А на следующее утро вызывает и ставит перед фактом: «Мы тут посоветовались и решили взять тебя заведующим отделом науки и школ». Делать было нечего. Тогда был порядок такой — согласие важно, но если есть нужда, то есть и дисциплина в партии. Поэтому я согласился. Пленум меня в этой должности утвердил. Так я впервые окупился в научную среду. И никогда об этом впоследствии не жалел. Судьба подарила мне знакомство с ярчайшими личностями, оставившими неизгладимый след в моей жизни.

Новый статус, новые возможности

Справедливости ради надо сказать, что появлению Новосибирского научного центра предшествовала немалая работа Западно-Сибирского филиала АН СССР, созданного в 1944 г. В годы Великой Отечественной войны в Новосибирске плодотворно трудились эвакуированные академики С. А. Чаплыгин, А. А. Скочинский, талантливые сибиряки Т. Ф. Горбачёв, Н. А. Чинакал и др. Но мы сразу поняли, что создание Сибирского отделения придаёт городу и области новый статус.

Внешний признак возросшего престижа Новосибирска — к нам поехали делегации. Первым нас посетил вице-президент США Р. Никсон, за ним президент Франции Де Голль, другие высокие гости. Естественно, приезжал Н. С. Хрущёв. Ни в коем случае не стоит преуменьшать его роли в том, что именно в Новосибирске появилась большая академическая наука. А мы, со своей стороны, начали организовывать людей, чтобы пропагандировать эту науку.

Первое, с чего начали — стали организовывать пресс-конференции видных учёных. Все пошли, как говорят, «в народ», в первую очередь, «отцы-основатели» Сибирского отделения. Потом, когда я уже работал в горкоме секретарём по идеологии, мы создали университет научно-технических знаний на общественных началах. Возглавлял его Василий Кузьмич Щербakov, доктор наук, директор СибНИИ энергетики. Очень добросовестный человек, он с удовольствием взялся за это партийное поручение. Там было пять факультетов по различным направлениям естественных и гуманитарных наук. Преподávalи в этом университете без отрыва от производства такие корифеи как М. А. Лаврентьев, С. Л. Соболев, А. А. Трофимук, Г. И. Марчук, А. П. Окладников, А. Г. Аганбегян, Д. К. Беляев и многие другие. Слушателями были в основном инженеры с заводов. Это необычное учебное заведение сразу приобрело в городе большую популярность. Таким образом, Сибирское отделение сразу же сыграло заметную роль в повышении общего уровня научно-технической интеллигенции Новосибирска.

Непростые проблемы внедрения

Наряду с этим начались так называемые «приложения», выходы из академической науки на производство. Это, между прочим, процесс непростой, не сразу он давался, и не сразу все поняли, что этим надо заниматься. Не очень активно на это шёл и сам М. А. Лаврентьев, потому что дело было

новое и ко многому обязывало и академическую науку. Но потом, в конце концов, и учёные повернулись к производству.

Первый прорыв, как я помню, случился на «Сибсельмаше». Директором завода в то время был Фёдор Яковлевич Котов, очень талантливый руководитель. От имени Академии наук приехал Гурий Иванович Марчук, и тогда мы подписали первый договор Сибирского отделения с промышленным предприятием. Потом такие же договора, конечно, с другими задачами, появились с заводом им. Чкалова, со многими крупными предприятиями, и, как говорят, «процесс пошёл».

Скажу откровенно, не всё было удачно. Например, Б. В. Войцеховский, который пользовался большой поддержкой М. А. Лаврентьева, решил создать пресс-молот для «Сибсельмаша». Пресс этот он сделал, его хорошо пропагандировал сам Лаврентьев, но, к сожалению, конкретной отдачи от него не получилось. Так он на заводе и остался недоиспользованным. Зато другие изделия, которые предлагали учёные, пошли на производство. И на первый отчёт в Москву мы повезли больше ста предложений, которые уже были на производстве одобрены и начинали внедряться.

Внедренческая деятельность получила большое развитие, когда председателем СО АН СССР был Гурий Иванович Марчук, и особенно активно занимались этими вопросами, когда к руководству пришёл Валентин Афанасьевич Коптюг, возглавлявший Сибирское отделение 17 лет. На бюро обкома систематически разбирались наиболее перспективные и значимые проблемы промышленности, сельского хозяйства, культуры и образования, в том числе и вопросы связи науки с производством. При обкоме постоянно работал под моим началом Совет содействия внедрению достижений научно-технического прогресса. Это был очень важный орган для связи науки с производством. Там были представлены крупные учёные, директора заводов и специалисты предприятий. Сначала у меня заместителем Совета был Гурий Иванович Марчук, потом Валентин Афанасьевич стал одним из наиболее деятельных его участников.

Дела хозяйственные

Создание Академгородка, как и любое большое дело, не всегда проходило гладко. Первое время строительство шло отратительнейшим образом. Оно было поручено тресту «Новосибирскгэсстрой», для которого научный центр был «непрофильным объектом». Постоянно ощущалась нехватка стройматериалов. И только после того, как М. А. Лаврентьеву удалось договориться с Е. П. Славским о привлечении к строительству мощностей Минсредмаша, дело быстро пошло на лад. Первый начальник «Сибкадемстройа» — генерал Николай Маркелович Иванов — был изумительный человек и настоящий руководитель. Внедрённые им передовые методы работы и неповторимый стиль руководства сделали «Сибкадемстрой» одной из лучших строительных организаций. Фактически руками сибкадетровцев целиком возведены два района Новосибирска — Советский и Калининский — и множество других важных объектов.

К сожалению, М. А. Лаврентьев во многих хозяйственных вопросах разбирался слабо и полагался на мнение своих «консультантов», которые порой тоже были некомпетентны. Например, главный инженер УКСа А. С. Ладинский, которого Лаврентьев даже называл «архитектором Академгородка», предлагал построить очистные сооружения прямо в Обском водохранилище на этих подмостях. Можете себе представить Академгородок с подобным сооружением на месте нынешнего пляжа?

Другая его идея — ассенизационные поля вместо канализационного коллектора. Упрямый он был, и специалист неважный, но очень влиял на Лаврентьева. В конце концов, только благодаря решительности и настойчивости Б. В. Белянина, тогдашнего заместителя председателя отделения по строительству, и Л. Г. Лаврова, заместителя по производственно-техническому вопросу, удалось убедить Лаврентьева в ошибочности такого решения. Канализационный коллектор всё же постро-

или, но по инициативе Ладинского сделал его 800 мм в диаметре. Я сразу настаивал, что по расчётам надо метра полтора. Нет, хватит! Сэкономил, а потом буквально через два-три года труба переполнилась. Так что помощники были разные.

Везло, что рядом с Лаврентьевым кроме иногда случайных людей оказывались такие специалисты как Б. В. Белянин! Он как-то приехал ко мне и говорит: «Александр Павлович, вот мы пьём в Академгородке ржавую воду из скважин, во много раз повышено содержание железа. Давайте построим нитку водовода». И построили. Водопровод от общего городского водозабора наконец-то начал снабжать Академгородок качественной водой.

Как заступались за генетику

В 1960 году серьёзная угроза нависла над Институтом цитологии и генетики. На пленуме ЦК Н. С. Хрущёв обрушился на основателя и первого директора института академика Н. П. Дубинина с резкой и несправедливой критикой. Директора сняли, причём с позором: «Ударим по дубининщине!», а исполняющим обязанности поставили временно Д. К. Беляева, в то время кандидата наук. Новое руководство института формально «сделало выводы» из критики первого лица государства, но всё равно заходила речь о ликвидации этого научного учреждения.

Разобраться с вопросом и внести свои предложения было поручено Николаю Алексеевичу Дикареву, инструктору ЦК, глубоко мыслящему и глубоко порядочному человеку (просто повезло Сибирскому отделению, что Центральный Комитет курировал его работу через этого товарища) и мне. Мы с ним почти месяц добросовестно ходили по лабораториям, разговаривали с учёными, изучали тематику и пришли к выводу, что «дубининщина», т. е. генетика, из института вместе с его основателем не исчезла. Но это очень

важное направление, и надо продолжать ей заниматься. Записку такого содержания мы подготовили сначала для своего внутреннего пользования, для Горячева и Лаврентьева. Они с таким выводом полностью согласились. И тогда было подписано письмо в Центральный Комитет партии, по-видимому, сыгравшее свою роль — Институт цитологии и генетики в Сибирском отделении сохранили.

Потом уже я ближе с Д. К. Беляевым познакомился, мы стали друзьями. Для директора тех лет у него был один недостаток — он был беспартийным. Я как-то с ним откровенно стал говорить: «Дмитрий Константинович, а что вы в партию не вступите?» А он отвечает: «У меня отец священником был. Будут все без конца расспрашивать. Я в душе коммунист, и этого мне достаточно». Вообще, это действительно был человек, достойный этого звания по-настоящему. Он показал это и на фронте, и после войны. И главный смысл его жизни — Институт цитологии и генетики, своим существованием ему обязан полностью.

Как встречали Хрущёва

Та памятная встреча состоялась 10 марта 1961 года. Я в это время работал заведующим отделом науки обкома партии, и мне приходилось заниматься и строительством, и подбором кадров для Академгородка. Часть людей приезжала из Москвы, их отбирали Лаврентьев и другие крупные учёные, но часть приходилось здесь набирать, особенно молодёжь. И вместе с Юрием Кузьмичём Лигачёвым (которого тогда все звали именно так — не Егор, а Юрий) мы поехали в Академгородок, где Хрущёв встречался с активом.

(Окончание на стр. 11)

На снимках Р. Ахмерова — 10 марта 1961 г., историческая встреча с Н. С. Хрущёвым в Институте геологии, выступает Н. А. Чинакал; — коллективное фото после одного из заседаний Президиума СО АН СССР.

